

ТАТЬЯНА ВОЛОСОЖАР И МАКСИМ ТРАНЬКОВ

Две стороны одной медали

Иконы спорта

Максим Траньков

Две стороны одной медали

«ЭКСМО»

2018

УДК 796.912:929
ББК 75.719.6

Траньков М.

Две стороны одной медали / М. Траньков — «Эксмо»,
2018 — (Иконы спорта)

ISBN 978-5-699-97914-1

Впервые фигуристы рассказывают, как им удалось преуспеть на льду и в отношениях – невероятная задача для тех, кто всегда вместе 24/7. Они вспоминают, чем вдохновлялись при подготовке ярких и незабываемых номеров, как справлялись с психологическим давлением, как ссорились и мирились не ради трофеев и славы, а ради друг друга. Эта книга не о фигурном катании. Не о спорте. Она о человеческих чувствах и эмоциях.

УДК 796.912:929

ББК 75.719.6

ISBN 978-5-699-97914-1

© Траньков М., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Максим	9
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Максим Траньков, Татьяна Волосожар

Две стороны одной медали

Серия «Иконы спорта»

Фото на переплете: © Валерий Мельников / РИА Новости

Во внутреннем оформлении использованы фотографии: © Владимир Вяткин, Александр Вильф / РИА Новости; © Ivan Sekretarev / AP Photo / AP Images / EAST NEWS; © Kiyoshi Ota, Oleg Nikishin, Matthew Stockman / Stringer / GettyImages.ru; © Feng Li / Staff / GettyImages.ru; © Christina Pahnke / Sampics / Corbis via Getty Images / GettyImages.ru; © Christof Koepsel – ISU / ISU / GettyImages.ru; © Dennis Grombkowski / Bongarts / GettyImages.ru

© Траньков М. Л.; Волосожар Т. А., текст и фото, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Моему главному болельщику, отцу – Леониду Транькову. Все мои победы – твои.

Максим Траньков

Пролог Татьяна

Когда нам предложили написать книгу о нашем с Максимом пути в спорте, я не знала, что ответить. «О чем писать? Что мы можем рассказать о нашей жизни? Будет ли это кому-то интересно?» – мысли роились в голове, и я не знала, что могу, а главное, что я хочу сказать тем, кто будет читать эту книгу. Через некоторое время жизнь все расставила по своим местам: мы с Максимом стали родителями, и, честно говоря, мне стало некогда даже думать о книге. Мы решили, что Максим будет рассказывать историю за нас обоих. Я смотрела на процесс со стороны: воспоминания, дополнения, переосмысление каких-то поступков.

Еще через пару месяцев мы вернулись на лед и уехали на шоу. В перерывах я читала то, что уже было написано. И мы вдвоем вспоминали, а точно ли все было так, или память услужливо подсказывает свою версию событий? Но главное, я поняла, что хочу именно прочесть эту книгу, а не писать ее, что мне интересны события с точки зрения Макса, пусть мы и тысячу раз это проговаривали. Мне интересно посмотреть на все со стороны и просто сказать о чем-то своем в прологе и эпилоге. Книгу продолжил писать Максим. Я же думала, что именно могу сказать – то свое, что он не может или даже не знает. И продолжала задавать себе вопрос: «Что рассказать о своей жизни?» – снова и снова возвращаясь в детство. И вдруг в какой-то момент поняла, что мне есть что сказать.

Не читателям – себе.

Оглядываясь назад, мне есть что сказать себе 4-летней, или 7-летней, или 15-летней, а значит, и сегодняшним 4-летним, и 7-летним, и 15-летним – тем, кто идет в спорт, кто только начинает. Не только в фигурном катании. С высоты олимпийского пьедестала мне есть что им объяснить. Ведь это сегодня все хорошо, можно сказать, что спортивная жизнь и карьера сложились, получилось все задуманное и даже больше. Но когда я начинала, то понятия об этом не имела.

Для меня лед и вся связанная с ним жизнь начались в Днепропетровске. Как и Максима, меня поставили на коньки родители, когда мне было 4 годика. Моя мама – огромная поклонница фигурного катания, и зимой раз в неделю мы всей семьей обязательно ходили на каток – просто для души. С ее слов, мама в детстве сама расчищала лед, потом возвращалась, надевала коньки, спускалась с третьего этажа и выходила под открытое небо, чтобы покататься, насладиться звуком лезвий по льду, ощущением свободы. Мама мечтала о том, чтобы одна из ее дочерей так же страстно полюбила фигурное катание, как и она сама. И сегодня я – ее реализованная мечта.

Фигурное катание было очень популярно, особенно в Днепропетровске. Тогда как раз была очень известна фигуристка Оксана Баюл, в 1994 году стала олимпийской чемпионкой в одиночном катании. И многие девочки вдохновлялись, глядя на нее, и шли на каток. В моем плюс-минус поколении, например, были Юлия Обертас, Алена Савченко и Татьяна Навка. Последняя, кстати, тоже из Днепропетровска – мы с ней земляки.

Когда меня отвели на каток, то там нам с мамой сказали, что я пухленькая, маленькая и не очень подхожу в абонементную группу. «Группа здоровья» – так называлась наша секция для совсем маленьких детей. Помню, как я сдавала какой-то тест, который проходил на полу. Нужно было прыгнуть то ли с тумбочки, то ли со скамейки, в общем, выполнить некий элемент – он у меня не получился, и решили, что я не подхожу. Мама упростила дать мне испытательный срок, и всего за месяц мнение обо мне изменилось. Да я и сама загорелась, как и мама, фигурным катанием – мне нравилось все.

Помню, когда мы начали уже кататься с Максимом и я узнала, как он не любил каток, то была очень удивлена. У меня абсолютно обратная ситуация: я обожала и обожаю фигурное катание. Наверно, мне передалось это по наследству от мамы. Мне очень нравится кататься, нравится этот свист в ушах, причем с детства, музыка, которая подталкивает меня к новым идеям, то, как в какой-то момент начинают получаться элементы. Сохранилось видео, где я, совсем маленькая, вытанцовываю на льду, явно наслаждаясь моментом.

До 14 лет я выступала в одиночном разряде, тренируясь у Антонины Васильевны Пашковской. Я очень хорошо шла, выиграв свои первые соревнования в 7 лет. В качестве награды, как сейчас помню, мне подарили выппел, и на нем папа сделал гравировку: число, месяц, год выигранных соревнований и мои фамилию и имя. Выппел был у меня в комнате, и я, глядя на него, хотела идти еще дальше, завоевывать еще больше наград.

Сейчас забавно все это вспоминать – мы все катали одинаковые программы, практически в одинаковых костюмах... Но это было неважно. Я смотрела фигурное катание по телевизору и была уверена, что буду еще лучше.

Я привыкла занимать первые места, но однажды мы приехали на соревнования в Киев – мне было 14 лет, мы все выступили, и вдруг, несмотря на чистое катание, на первом месте оказалась не я. Мне это объяснили тем, что девочка собиралась уйти в парное катание и ей нужно сделать это красиво. Меня, подростка-максималиста, шокировали эти игры. Тогда я впервые столкнулась с несправедливостью, поняла, что спорт – не всегда честная история побед. Научило ли меня это чему-то? Да, не опускать рук и не сдаваться, несмотря ни на что. Я вернулась в Днепропетровск и начала заниматься еще усерднее. Парадоксально, но именно я и ушла в парное катание через некоторое время после этой отобранной у меня победы. У нас был потрясающий директор Валерий Борисович Долгов, у него был наметанный глаз, и он всегда точно понимал, что лучше для молодых спортсменов. Он сидел на втором этаже спорт-комплекса «Метеор» и часто спускался посмотреть на тренировки к нам вниз, на лед. Он знал всех своих спортсменов и мог вдруг подойти и сказать, что кому нужно сделать. Однажды, когда я каталась, он показал на меня и произнес: «Ей нужно в парное катание, посмотрите, какое у нее телосложение, и невысокого роста! Тем более у нас есть хороший партнер».

Речь шла о Петро Харченко – он стал моим первым партнером, как и я, перейдя из одиночного. Мы оба были неопытными, но хорошо подходили друг другу по антропометрическим данным. И смотрелись на льду так мило – прямо Ромео и Джульетта. Тренировал нас Вячеслав Ткаченко. Вначале, как и многие другие пары, мы притирались на льду. Нам нужно было понять, как работать в паре. К сожалению, из-за тренировок поздно вечером, уже после хоккея, иногда даже без заливки, мы недорабатывали. Исполнение сложных элементов просто было опасно делать.

Несмотря на все это, нас приметили в Киеве, и через два года меня и Петю позвала к себе тренер Галина Владиславовна Кухар, в девичестве Гржибовская – известная советская фигуристка. Она стала нам второй мамой на долгое время – мы даже жили у нее в доме. Я вспоминаю ее с теплотой – Галина Владиславовна всегда была к нам добра, и такие люди на жизненном пути очень важны для молодых спортсменов...

Нам с Петей льстило такое внимание, ведь у нее уже были чемпионы мира среди юниоров. В частности, Алена Савченко – та самая, которая через несколько лет станет нашим с Максом главным противником на льду. Она каталась в паре со Станиславом Морозовым. Выиграв свой чемпионат, Алена и Стас разошлись. Савченко приняла судьбоносное решение и уехала из Украины – после старта в немецком Оберсдорфе она поняла, что хочет жить и работать в Германии. Стас же остался в Киеве – вторым тренером у Галины Владиславовны. Так и прошел еще год, для меня – без особых успехов.

Однажды подошел Стас: «Я еще могу что-то сделать не только как тренер, но и как спортсмен. Давай встанем в пару!» Честно говоря, для меня это было неожиданно – Стас был

старше, отношения с Петей у меня были отличные, мы вместе приехали в новый город к новому тренеру, даже стали чемпионами Украины, нужно ли что-то менять? Правда, высоких результатов на международной арене не было, за исключением призовых мест на этапах юниорской премии Гран-при.

Помню, я советовалась с мамой, взвешивала все за и против, и в результате согласилась. Стаса я знала как человека опытного, все-таки чемпион мира среди юниоров, и мы могли сделать куда больше вместе. Мы прокатались 5 лет, и за это время никаких особых результатов так и не достигли. Четыре раза мы были чемпионами Украины, и максимум 4-е место на чемпионате мира – в Японии. Лидировали в основном российские пары. 4-х мест вообще было много: тогда было очень обидно, это потом мы уже смеялись, что я могла бы построить дом из своих деревянных медалей.

В 2007 году, как раз после 4-го места в Японии, мы со Стасом начали тренироваться не только с Кухар. Я познакомилась с очень важным для меня человеком – Николаем Морозовым, о котором так много рассказывает Максим. Он нам со Стасом ставил программу перед Олимпиадой в Турине 2006 года. Он предложил просто потренироваться у него и одновременно у Галины Владиславовны. Морозов жил в США, и на лето мы перебрались к нему. Думали остаться надолго, но уже через полгода вынуждены были вернуться в Киев на родной каток «Льдинка». У Морозова была интернациональная команда, и его частые переезды никак не совпадали с графиком наших тренировок, смысла сидеть в Америке не было.

Честно говоря, хотелось большего. Я следила за успехами Алены Савченко. В тот момент она каталась в паре с Робином Шолковы в Германии у тренера Инго Штойера. Он пригласил нас тренироваться у него – ему нужна была вторая пара для здоровой конкуренции с Аленой и Робином. Для нас в этом тоже был плюс – перестать вариться в собственном соку, узнать больше, научиться новому, зарекомендовать себя на международной арене с международным тренером.

С Галиной Владиславовной мы расстались хорошо, как мудрая женщина, она взвесила все факты и сама сказала, что в Германии нам будет лучше. Мы хотели медалей, и немецкий тренер мог нам в этом помочь. К сожалению, нашим мечтам не суждено было осуществиться – в Ванкувере мы заняли 8-е место. И после Олимпиады, где мы выступали с немецким тренером и под украинским флагом, Стас надумал заканчивать. Но перед этим сам решил найти мне новую пару. Он поговорил с Максом и выяснил, что Траньков хочет со мной кататься. Он так и сказал Стасу, что перед ним стоит достаточно простой выбор – либо уходить из спорта совсем, либо оставаться, но только со мной.

Было несколько вариантов, с кем бы я еще могла встать в пару, но Максим мне был очень симпатичен. К тому моменту мы были знакомы, но и только, однако интуиция подсказывала – надо ехать в Россию к Максиму.

15 мая 2010 года мы с Максимом Траньковым встали в пару, и я начала выступать за Россию. Судьбоносный день! Меня всегда это одновременно и подстегивало, и страшило – надо было доказать, что мне не просто так дали возможность кататься за эту страну.

Наши успехи говорили сами за себя. Мы брали медаль за медалью, старт за стартом. И чуть ли не с первого сезона стало понятно, что на нас делают ставку в соревнованиях: мы можем занимать высокие места, мы действительно пара топового уровня и готовы бороться за медали в Сочи...

У нас были очень разные пути к той самой Олимпиаде, мы встали в пару взрослыми людьми, но быстро доказали, что мы можем многое, просто не надо бояться что-то менять.

**Максим
Книга 1
Пермь**

Глава 1

Не знаю, были ли это рассказы родителей, отложившиеся в моей памяти и причудливым образом трансформировавшиеся в мои воспоминания, или я и правда помню, как мой старший брат Алексей вошел в дверь и сказал, что, возвращаясь из кино, увидел объявление у Дворца спорта о наборе детей в секцию фигурного катания. Детей обычно отдают в зимние виды спорта из-за слабого здоровья по совету врачей, но это была не моя история. Мне было как раз 3 или 4 года, и Алексея регулярно заставляли нянчиться со мной, так что с его стороны это наверняка была попытка освободиться. У него не всегда получалось за мной уследить – мы были полными противоположностями. Брат с ранних-ранних лет очень любил читать и в свои в тот момент 10 или 11 буквально поглощал том за томом – причем очень серьезную литературу. Иной раз он погружался в книгу, а я куда-то уползал и мог что-то натворить, так что ему из-за меня еще и прилетало. И вот это объявление...

«Нужно отвести Максима в секцию», – сказал он родителям и привел неоспоримые доводы: каток очень близко к дому, вся семья спортивная, меня надо было тоже чем-то занять, чтобы я не мотался один на улице. Помню, мы пришли на каток, сели с родителями на трибуну и смотрели, как катаются старшие ребята.

– Хочешь так же? – спросили меня. С равным успехом я ответил бы утвердительно, если бы меня спросили о том, хочу ли я кататься на велосипеде или карусели. Я мало что понимал. Катаются, значит, им весело.

– Хочу! – ответил я.

– Ну все, будешь кататься!

Так состоялся судьбоносный диалог, задавший направление моей жизни. Небеса не раскрылись, никаких особых запоминающихся моментов или знаков. Меня просто отвели на каток Дворца спорта «Орленок», тогда на улице Карла Маркса, сегодня Сибирской, чтобы я был «при деле». И там я остался на многие годы.

Я уже упомянул, что семья у меня была спортивной, так что какие-то секции или занятия не считались чем-то из ряда вон выходящим. Брата с детства отправили на лыжи, хотя душа у него к этому не лежала, да и ехать надо было очень далеко на базу. Какое-то время он туда поездил, а потом с головой ушел в учебу. Мама Валентина Ивановна – спортсменка, легкоатлетка, с педагогическим образованием в училище, как это сейчас называется, олимпийского резерва. В тот момент она работала воспитателем в детском саду. А вот отец Леонид Степанович Траньков – мастер спорта СССР по конному спорту, первым среди конников получил это звание на Урале, легенда в Пермском крае, победитель Спартакиады народов РСФСР в 1983 году, в год моего рождения. Он получил шанс поехать на Олимпийские игры в 1984-м. Это было большое достижение в спорте. Но совпало оно с бойкотом нашей страной Игр в Лос-Анджелесе. Отец поехать не смог. А на следующие Игры в Сеуле его не пустили, решив омолодить сборную. В результате, пропустив две Олимпиады не по своей воле, он сломался – для спортсмена нет ничего важнее, чем участие в Играх. Вся твоя жизнь – подготовка к Олимпиаде, все трудности, через которые ты проходишь, все лишения, вся боль – для того, чтобы поехать туда, и моего отца этого лишили. Я понимаю, почему он не смог это преодолеть. Он был в одном шаге от самого важного турнира, и...

Мои родители поженились в 1977 году, и вскоре родился мой брат Алексей. Через несколько лет я. И, несмотря на то, что в конном спорте можно оставаться хоть до 80 лет – пока сидишь в седле, – отец был вынужден уйти: надо было содержать двоих детей, а времена начались непростые. С какой-то периодичностью он возвращался в спорт, работал тренером. Даже когда я уже хорошо себя помню, он регулярно успешно выступал, но потом что-то снова происходило...

Отец работал автослесарем: у него был свой гараж, где он ремонтировал машины. Работал папа хорошо, у него была большая клиентура и, денег ему это приносило достаточно. Он и в этом достиг успеха. Было только одно но – неудача в спорте, да еще и не по своей вине, стала для него тяжелой психологической травмой, и, чтобы заглушить эту боль, он начал выпивать и периодически просто уходил в загулы.

Папа был звездой на городском уровне, всегда ходил со значком мастера спорта, был узнаваем, красив, заметен, и, конечно, его постоянно приглашали выпить, а он не отказывался.

Мама его не бросала, хотя и скандалила, переживала, была вынуждена поднимать двух детей одна на свою зарплату, так как папа мог после гулянок прийти без денег. Они прожили вместе до самой папиной смерти в 2013 году. Между родителями было разное, но они всегда преодолевали все вместе. Папа никогда не обижал ни нас, ни маму, периодически кодировался, но снова срывался. Он мог быть строгим и наказывал нас с братом за серьезные проступки, но всегда был человеком справедливым.

Надо сказать: когда потом у меня начало получаться в спорте, отец будто нашел во мне отдушину. Он знал о правилах в фигурном катании больше, чем я, всегда поддерживал, приходил на мои тренировки, когда я был подростком, иногда, конечно, навеселе, но чем дальше, тем больше он вдохновлялся и тем реже он пил. Он будто видел в моих достижениях себя, он как бы через меня реализовался. Ему было очень важно, чтобы я сделал в спорте то, чего он не смог. Он жил этим. Отец сидел в Интернете, изучал фигурное катание, общался на всех форумах, был моим главным фанатом. Он знал все. Звонил мне и рассказывал какие-то сплетни, которые даже мы, фигуристы, не знали. Сидел за компьютером днями и ночами, приходил с работы и погружался в мир фигурного катания, общался с тренерами. Когда у меня все получалось, то и у папы было в жизни все нормально. Это стало одним из моих стимулов: чтобы у меня дома было все хорошо, мне надо было кататься, надо было показывать результат.

У отца могло быть большое будущее в спорте. До сих пор проводится в Перми Всероссийский турнир памяти моего папы. Наверно, и я мог бы пойти в конный спорт – я с детства сидел в седле. К катку в Перми примыкает стадион «Юность», парк культуры и отдыха имени Горького, – и там, как везде в то время, катались на пони и на лошадях. Естественно, там был конь, которого когда-то списали с ипподрома, – папа знал не только этого коня, но и всех, кто там в конюшне работал. Меня с самого детства уже учили ездить и галопом, и рысью. Девчонки от этого млели и, конечно, просились покататься, когда я уже стал старше. Я их отводил на ипподром, который мне был как родной.

Я умею держаться в седле до сих пор, но в целом, как тогда, так и сейчас, никакой любви к лошадям у меня нет, да и мама была категорически против – далеко ездить, дорого заниматься, да и в конном спорте начался полный развал, а вот каток был рядом. Так и определилось будущее – исключительно вопросом географии.

В общем, я начал заниматься фигурным катанием. Сложности со мной начались практически сразу же – от меня отказалась тренер. Я, честно говоря, даже не помню почему. Кажется, ей не понравилось, как я на что-то реагирую: у меня с детства были огромные глаза и выразительная мимика, нравилось мне что-то или нет – все тут же отражалось на лице. Я помню, что у нас начались занятия в зале для хореографии, и там были огромные зеркала от пола до потолка, и, видимо, я как-то кривлялся перед ними, строил рожи и не слушался, когда мне говорили прекратить баловаться. Я был ребенком, нет ничего более естественного, чем озорничать, но для тренера это стало поводом отказаться от работы со мной. Моим родителям она сказала, что я неуправляемый и мне нужен тренер-мужчина. Наверно, сейчас мне стоит сказать ей за это спасибо, ведь именно попадание к Валерию Вениаминовичу Домрачеву сыграло большую роль в моей жизни.

С Валерием Вениаминовичем мы сразу нашли общий язык, ну как общий – я выговорить его имя не мог и называл Варений Витаминевич, над этим смеялись все вахтерши, заставляя

меня раз за разом повторять его имя-отчество. Сам Домрачев принимал это с улыбкой – он вообще очень любил детей. Он тоже был бывший спортсмен и, как и мой отец, после развала СССР, когда начался полный хаос в спорте и секции закрывались одна за одной, запил. Эта проблема в провинции существует до сих пор, тогда же пьянство было просто бедствием. Но увлечь он умел. Даже меня, хотя в какой-то момент мне перестало нравиться фигурное катание.

Дело в том, что после нескольких месяцев работы в зале – все эти растяжки, работа на координацию, упражнения, где мне, ребенку, было страшно весело, пришло время выходить на лед, и мне сразу не понравилось. Тут же. Это перестало быть веселым. В тот день, когда нашу группу выпускали на лед, я так и не вышел, устроив дикую истерику маме. Я орал на весь каток, вырывался – дико боялся выйти на лед, боялся, что я упаду, ударюсь головой, что-то сломаю. Мне так не хотелось заниматься этим тогда, что сейчас даже забавно понимать, что фигурное катание стало делом моей жизни.

В итоге маме пришлось мне сшить спецодежду: в шапочку был вшит тонкий поролон, на локтях и коленях были мягкие вставки – только тогда я согласился выйти на лед. И... не упал. Но само занятие – катание – мне показалось дико скучным, а скучные занятия мне не нравились, так что я тут же выдал: «Ну и что? Что дальше? Ходим мы по кругу и ходим, зачем это?» Так что, начиная лет с 5 и, наверное, до 8, я каждую тренировку пытался придумать, как бы туда не пойти. Даже залезал под кровать... Не помогало – меня доставали за ноги и тащили на каток.

ЭТО СТАЛО ОДНИМ ИЗ МОИХ СТИМУЛОВ: ЧТОБЫ У МЕНЯ ДОМА БЫЛО ВСЕ ХОРОШО, МНЕ НАДО БЫЛО КАТАТЬСЯ, НАДО БЫЛО ПОКАЗЫВАТЬ РЕЗУЛЬТАТ.

На самом деле сейчас я понимаю родителей. Времена были тогда непростые, а улица – местом опасным, так что мальчишка должен был чем-то заниматься, чтобы не пойти по наклонной. Был расцвет бандитизма, а Пермь и сегодня не самый спокойный город, скажем так. Да, там прекрасный театр оперы и балета, в который в войну эвакуировали Мариинку, но при этом в Пермском крае огромное количество колоний, и люди, которые выходили оттуда, зачастую оставались в городе. Когда я позже ездил по соревнованиям, то видел города и похлеще, но и Пермь была местом непростым. И, конечно, мама не хотела, чтобы со мной что-то случилось, а постоянные тренировки сводили на нет возможность найти неприятности на улице. Но тогда я этого не понимал и ненавидел лед. Было только одно, что мне нравилось, – красоваться перед семьей, когда мы все вместе ходили по выходным кататься на коньках. Помню, это был открытый каток стадиона «Юность», там был весь город. И мы – в раздобытых тренером по великому благу для всей семьи коньках. Я показывал маме, папе, брату, насколько классно я катаюсь в отличие от них. Это было здорово: вечер, темно, только фонари освещали каток, падал снег, мороз, шерстяные носки и вот эти семейные катания. Мне очень запомнились эти моменты, хотя они не были частыми.

Глава 2

В Перми мы жили все вместе в одной квартире с родителями и бабушкой и дедушкой по отцу – Ольгой Федоровной и Степаном Дмитриевичем.

Большая четырехкомнатная квартира почти в центре города нам досталась благодаря бабушке – директору клуба УВД. Для Перми это было важное место. Там были свои кино-театр, секция танцев, там проводились елки, торжества, свадьбы, всякие милицейские чины отмечали свои юбилеи. Несмотря на должность и твердость характера на работе, дома бабушка была бабушкой, и я вил из нее веревки. Мне больше всего нравилось ходить с ней на занятия: я мог убежать от бабушки в сугроб, сесть посреди и не вылезать. Меня даже не пугало, что потом я заработаю трепку от отца – настолько я не хотел идти на каток. Она не могла даже зашнуровать мне коньки, потому что я говорил то туго, то слабо, и на это уходило полтора часа – все, лишь бы не выходить на лед.

В свое время бабушка была солисткой Уральского хора, известного на весь Союз, потом стала его художественным руководителем. В Перми есть даже мемориальная доска в ее честь как раз на клубе УВД, где она работала. Моя тетя, младшая сестра отца, мастер спорта по гимнастике и заслуженная артистка Украины, очень долго была солисткой ансамбля «Таврия», часто ездила на гастроли и всегда привозила нам гостинцы из ГДР и других стран, куда тогда позволялось выезжать. Она до сих пор работает в Симферополе в драматическом театре вместе с мужем и сыном.

Огромное влияние на мое воспитание оказал дед со стороны отца. Он был подполковником, служил под началом маршала Жукова. Очень гордился тем, что служил в Свердловске. Дед привил мне привычку к порядку. Я очень хорошо его помню, он умер не так давно, в 2010 году, и до последних дней отличался железной волей. Он никогда не ругал ни меня, ни брата, но послушаться его никто не решался.

– Внучуля, иди-ка сюда. – Я подходил. – Вот смотри, какая у меня обувь – чистая, и вот у тебя обувь грязная, почему?

– Ну, дед, грязно, там лужи, осень...

– А почему же у меня чистая? Я старенький, я с палочкой хожу, а обувь чистая...

У деда Степана была фронтовая травма, и сколько я его помню, он передвигался с тростью. При этом на лестничной клетке всегда стоял ящик, где были кремы для чистки обуви, щетки. И он по армейской привычке никогда не выходил в грязной обуви, надраивал ее до блеска, и приучал к этому нас. И прежде чем зайти в дом, тоже нужно было всегда обувь помыть. На всю жизнь это отложилось, так что коньки у меня всегда блестели – как бы я ни ненавидел фигурное катание, на лед выходил в надраенной экипировке, пусть старой, но идеально выглядящей. То же самое касалось одежды.

Дед всегда меня учил, что если ты что-то берешься делать, то делать это надо хорошо, и спуску мне не давал. Отец, бывало, порол, иногда, наверно, заслуженно. Но именно дед оказал куда большее влияние. Мы с братом видели и впитывали его пример – он не пил, не курил, до самой смерти делал зарядку. Об его силу воли можно было затачивать мои коньки. Этот пример в жизни мне очень пригодился. Даже когда я уехал из дома, то никогда не пил и не курил – пробовал, конечно, но в привычку это не вошло. Да и слава богу, мне просто не понравилось: ни ощущение, когда кружится голова, ни неприятный вкус во рту, ни последствия. Если дед за что-то принимался, то всегда доводил до конца. Неважно, сколько ему было лет, неважно, что это было – постройка парника или просто рама на стену. Он выверял все до миллиметра и делал четко и аккуратно. У отца были золотые руки, но он никогда ничего не доделывал. Мог сделать тяп-ляп – держится, и нормально. Если отец что-то разбирал, то оставалась куча деталей: «Работает? Работает! Отстаньте, не нужны, значит, эти детали». Папа мог собрать из

чего угодно все что угодно, и всегда это выглядело не очень красиво, хоть и работало. Дед Степан был аккуратным до педантизма. И воспитал это во мне. До сих пор, если я что-то делаю, то буду сидеть до конца – пока не доделаю, не успокоюсь. В тот период времени наука от деда – идти до конца – куда больше, чем наставления и ремень, помогла мне удержаться в спорте. А потом у меня просто не осталось выбора – в моей жизни осталось только фигурное катание.

ЕСЛИ Я ЗАИКАЛСЯ О ТОМ, ЧТОБЫ ПЕРЕЙТИ В ДРУГОЙ ВИД СПОРТА, МАМА ПЕРВАЯ БЫЛА ПРОТИВ. КАТЕГОРИЧЕСКИ.

Папа часто приезжал на мои тренировки, сидел на трибуне, смотрел, как я катаюсь. Иногда мне было стыдно – все уже самостоятельные, едут потом домой сами, а мне тут два двора идти, а со мной папа. А еще он мог дать втык, если я плохо тренировался... Но все-таки с отцом мы были близки. Иногда мама даже говорила обо мне ему «твой сын», а он отвечал ей о Леше, а «это твой». Он и правда на нее похож, пошел в мамину породу Горбуновых, а я в Траньковых, плюс, если так разобраться, я – спортсмен, а Леха – гуманитарий. Правда, несмотря на это разделение, именно мама и привела меня в свое время на каток.

Я помню, как в начальных классах я заходил к ней в детский сад, где она работала, по пути из школы на каток, до тренировки делал там домашнее задание и обедал. Ее коллеги рассказывают, что с характером у меня беда была уже тогда: когда мы делали уроки, я постоянно спорил с мамой, доказывал, что она неправильно решает, а я как раз все делаю верно. Я вообще много спорил – с учителями в том числе, – мне было важно доказать свою точку зрения. Мама терпела все и всегда меня поддерживала в моих решениях, подбадривала, никогда не ругала за плохие прокаты, а пока я был в Перми, почти все мои выступления были такими. «Ты лучший! У тебя все получится!» – говорила она мне перед каждым выходом на лед.

Когда папы по разным причинам не было дома, именно мама помогала мне в моих важных мальчишеских делах. Мы с ней даже велосипед вместе чинили. Конечно, у меня был старший брат, но отношения между нами дружескими не были никогда, так что мама со мной то гайки крутила, то цепи надевала. Вообще довольно долго первое, что я делал, проснувшись, – это звал маму. Помню, как мы приезжали к кому-то в гости, и мое: «Ма-а-ам!» – вызывало смех у друзей и родственников. Никто не понимал, зачем я ее зову, да я и сам не понимал. Может быть, мне надо было удостовериться, что она рядом? Не знаю.

Маме регулярно доставалось из-за меня. Все-таки я был тем еще хулиганом, когда подрос, то ее вызывали за мои проделки в школу, то к ней прибегали со скандалом соседи. Был забавный случай. К нам домой пришла какая-то соседка и минут 10 орала на мою маму, какой у нее плохой сын и как он куда-то увел ее отпрыска и там что-то случилось. Мама ее слушала выдержанно и спокойно и, когда в крике появилась пауза, сказала, что вообще ее сын Максим уже недели две как в спортивном лагере, так что стоит извиниться за обвинения.

Тогда я и правда был не виноват, но соседка прибежала к моей маме не просто так, я не был идеальным подростком, и априори любое из ряда вон выходящее происшествие во дворе и школе связывали со мной. Иногда, как в этом случае, совершенно напрасно, чаще всего я и правда был виноват. Мама ругала, но только один на один.

Несмотря на то, что жили мы не богато и еды в то время у нас было не так много, если я заваливался с катка в перерыве между тренировками домой с приятелями – теми, кто жил в общагах, – она умудрялась накормить нас всех. Голодных парней после бесконечных прокатов! Я только сейчас могу представить, как сложно это было в то время. До сих пор не понимаю, из какого топора она делала те каши, но парни ее обожали.

По ночам она шила для меня костюмы для выступлений – их тоже невозможно было нигде купить. Она искала материал, ездила за ним даже в соседние города, если вдруг там что-то «выбрасывали» на прилавки, заказывала знакомым, которые ехали за границу, потом сама кроила и шила. Мой первый и непревзойденный дизайнер! Экипировку тоже искала она. В

стране ничего не было, и даже коньки приходилось слезно просить привезти знакомых из-за границы.

Правда, если я заикался о том, чтобы перейти в другой вид спорта, мама первая была против. Категорически. Особенно против командных. Я недавно спросил ее почему. Она объяснила это тем, что я любил компании, собирал их вокруг себя все время, а в Перми это было чревато последствиями. В компаниях всегда находился кто-то, из-за кого они превращались в шайку. Мама очень боялась, что с моим характером я попаду в куда более неприятные ситуации, чем вызов в школу и скандал соседей.

Родители мамы жили недалеко. В отличие от папиных, они были обычными рабочими – Анна Александровна и Иван Андреевич. Мама выросла в частном доме, в очень большой семье, в микрорайоне Южный в Перми. Южный и Южный-2 – это частные одноэтажные дома. Дедушка по маминой линии умер рано, мне было лет 6, я только пошел в школу. Бабушка Аня запомнилась мне хорошо: мы играли в ее яблоневом саду, бабуля делала вкуснейшие пирожки с мясом – посекунчики. Это знаменитейшие пермские пирожки, сочные, которые кусаешь, и из них льется сок. Как-то в Пермь приезжал футболист Саша Кержаков, я его спрашиваю: «На поле-то выйдешь?» – «Нет, посекунчиков прилетел поесть». Посмеялись.

У бабушки было 5 детей, и, естественно, у всех жены, мужья, дети. Вот, помню, все мы собирались, макали эти посекунчики в разведенный уксус и ели. Одно из самых приятных воспоминаний... У бабушки Ани был сахарный диабет. Однажды я случайно к ней приехал один – просто подвез приятель. Зашел в дом, а она лежит бледная, почти не дышит. Я страшно перепугался и побежал домой. Расстояние было очень большим для ребенка: я кое-как напросился в автобус – денег у меня не было, пробежал огромную дамбу, лог, запыхавшись, влетел домой и начал звонить матери. «Скорая» успела вовремя. Бабушку спасли, но ногу ей пришлось отнять. Эта же болезнь и забрала ее позже.

Бабушка ушла, когда я был уже в Питере, в 2000 году. Мы не попрощались: самолет был для меня очень дорог, а на поезде ехать двое суток. Это было вообще страшно: близкие мне люди уходили, а я не мог их проводить. В 2007 году не стало бабушки Оли. В 2010 году, как раз перед тем, как я встал в пару с Таней, умер дед Степан, а в 2013 году со страшной закономерностью для Траньковых в три года умер мой отец Леонид... Я никого из них не похоронил, кроме отца, и очень переживал, что не попрощался, не сказал каких-то последних слов. Ни одной из бабушек, ни дедушке. Фигурное катание, которому я столько отдал и которому столько отдали они, не отпустило меня к ним.

Глава 3

До 8 лет я ходил на каток из-под палки: то бабушке голову морочил, то прятался, и в 8 не выдержал и уже взмолился, чтобы от меня отстали. Наконец я был услышан.

Я заранее спланировал речь, позвал родителей и начал: «Папа, мама, нам надо поговорить! Скажите, что мне нужно сделать, чтобы я больше не ходил на каток? Каким видом спорта надо заняться или куда пойти учиться?» Видимо, по тому, как я это сказал, стало понятно, что фигурное катание у меня уже поперек горла и дальше я просто не могу им заниматься. К сожалению, те виды спорта, где я бы хотел что-то делать, прошли мимо меня. Я почему-то ни разу не прошел медкомиссию в бассейн – то цеплял какую-то болячку в подвале, куда лазил за кошками и собаками, то еще что-то, хотя мне нравилось плавать, и я думал о прыжках в воду. А потом и вовсе закрылся бассейн. В командные виды спорта меня категорически не хотела отдавать мама. В общем, я был готов на все – только бы избавиться от льда.

Конечно, мне хотелось гонять с пацанами по улице – было просто невероятно несправедливо, когда ты играешь в прятки, а тебе мама с балкона кричит: «Максим, домой, нам уже выходить на каток». Да я готов был на что угодно, лишь бы быть как все – бегать, хулиганить, играть в футбол.

До этого знаменательного разговора я неоднократно заводил речь, как мне надоел этот каток, и каждый раз получил ответ: «Что ты будешь делать? Собакам во дворе хвосты крутить?» Мне это выражение запомнилось на всю жизнь. Да хотя бы и это, что угодно, но только не катание, которое я ненавидел. Моему детскому разуму было непонятно, почему я должен заниматься этим непонятным видом спорта, когда других отдают в бокс или на карате... Кто-то смотрел фильмы с Чаком Норрисом, Ван Даммом и шел в кикбоксинг, кто-то ходил на футбол, баскетбол или плавание, вдохновляясь Марадоной, Скотти Пиппеном и Александром Поповым, а у меня – фигурное катание. Это было дико-дико стыдно – все эти блестящие костюмы, все эти вещи, которые я вынужден был на себя напяливать. А еще и Пермь! Ну представьте себе, вот тебя гопники останавливают:

– Ты че, спортсмен?

– Да, спортсмен.

– И че за спорт? – Смотрят так, прищурившись, и плюют с отяжечкой.

Сказать фигурное катание – это 100-процентный вариант быть избитым. Впрочем, как я сейчас думаю, сказать бокс или карате – это такой же шанс, ведь наверняка пацанве захотелось бы испытать тебя. Но тогда я об этом не думал, казалось, что сразу бы всех победил. Я выработал универсальный ответ – коньки. Это такое общее и размытое понятие, что прокатывало: ведь можно быть и конькобежцем, и хоккеистом, а это уже круто. В общем, каждый раз проносило, хорошо, что у пермских гопников не хватило мозгов спросить, какие именно коньки.

Надо сказать, что мои родители никогда не заикливались на хороших оценках – все-таки оба были спортсмены, и для них не играли большой роли пятерки. Но при этом у меня перед глазами был пример старшего брата – он забросил спорт, и ему это позволили. Но на спорт и шатания во дворе, от которых спорт должен был отвлечь, у него не было времени, да это и не было ему нужно. Алексей фанатично поглощал знания. Он читал и учился, учился и читал. И вот я решил – а почему бы не сделать и мне так же?

В общем, после разговора с родителями, на совете было решено, что на каток я больше не хожу, но должен принести дневник без троек. Не то чтобы я до этого был разгильдяем, но времени на тренировки уходило достаточно много. Плюс всегда был стереотип: спортсмен – значит, не до учебы, – так что можно было филонить.

Все, кроме математики, давалось мне легко. Я успевал при этом и с друзьями «собакам хвосты крутить» во дворе, и по крышам лазить. Хотя последнее я успевал делать всегда. И

если бы только это. Сейчас я понимаю, почему мои родители пытались сделать так, чтобы я был при деле.

Мое детство, мой город Пермь – это пятиэтажка, а под окном – сад и огород. У меня окна выходили на частный сектор. Неподалеку река Егашиха, лог и мичуринские заброшенные сады, и мы, естественно, воровали яблоки. Чего только не было! В нас стреляли солью и попадали. Однажды меня избил мужик. Мы с другом полезли за яблоками, и я не увидел, что там дядька. Друг начал звать меня, но было уже поздно, мужик схватил меня и начал избивать, пинать ногами, а потом просто выкинул через забор на дорогу. Я до сих пор не могу понять, насколько же он был злым и насколько мы, пацаны, его тогда достали своим воровством, что он избил подростка с таким остервенением. Впрочем, мы и правда много чего делали. Город, как я уже говорил, был криминальным, нам было у кого учиться.

Мои сверстники тырили не только яблоки, но и угоняли велики. В Перми до сих пор есть велосипедный завод. Тогда велик был больше чем средством передвижения. Это была религия. Их украшали, таскали латунные стружки, какую-то ерунду, даже по кладбищам цветы воровали, чтобы привинтить к велику и выделиться. Выглядело это, конечно, чудовищно.

Велосипед был моей огромной мечтой: учитывая достаток моей семьи, он появился у меня поздно. У всех были велики, а у меня нет, точнее, был, но детский, из которого я давно вырос, и я все время кланчил у друзей покататься. «Дай прокатиться, жопа не годится», – была у нас такая фраза в ответ. До сих пор ее помню. Я мечтал о «Каме», со складной рамой. Однажды мама с папой днем куда-то пошли, и вдруг я сижу во дворе и вижу, что отец несет на плече сложенную «Каму». Мне кажется, это был первый и последний раз, когда я днем сам побежал домой. Я до сих пор помню, как мы его собирали, накачивали шины, как я потом лелеял эту «Каму», мыл на колонке каждый вечер. Колонка – это железная труба, и из нее качаешь воду, – да, я жил в такое время, когда это еще было. Отец периодически у себя в мастерской перекрашивал мой велик в разные цвета, и я был самым модным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.